

Гермиона так сильно рыдала, что пропустила весь переполох, который вызвало разоблачение Сириуса. После того как Дамблдор немного успокоил взрослых, сообщив им, что Сириус невиновен во всех обвинениях, пришло время приступить к делу.

"Северус, ты знаешь, о чём я должен тебя попросить?" Профессор торжественно кивнул и вышел из лазарета, продолжая смотреть на Блэка.

"Молли, надеюсь, я могу рассчитывать на поддержку твоей семьи?" Получив очередной кивок, Дамблдор переключил внимание на Билла. "Ты сообщишь своему отцу о том, что здесь произошло? Поскольку Корнелиус отказывается видеть правду, нам придется перевоспитывать старую толпу. Артур поймет, что от него требуется".

Когда Билл ушел, настала очередь Сириуса получать инструкции. "Я полагаю, что Фадж будет следить за Хогвартсом, нам действительно нужно встретиться в другом месте. Сириус, мы можем использовать для этого вашу семейную собственность?"

"Нет".

"Простите?"

"Я сказал "нет", Альбус".

"Сириус, я знаю, что это был шок, и мы вернем Гарри. Но нам нужно сосредоточиться на Волдеморте..."

"К черту Волдеморта и гиппогрифа, на котором он прилетел. Ты сможешь войти в мой дом, когда Гарри будет рядом с тобой, не раньше. Если тебе так нужен мой дом, может быть, ты вытащишь свой палец и сделаешь что-нибудь..."

Гермиона поднялась с пола, ей надоело плакать. Гермиона Грейнджер теперь была разгневанной ведьмой, ведьмой, у которой только что было окончательно подорвано уважение к авторитетам. Она считала, что если министр магии вытащит твою раненую и ни в чём не повинную лучшую подругу с больничной койки по обвинению в убийстве, то это сделает всегда.

"Не задерживай дыхание, Сириус, Дамблдор никогда ничего не делает..."

"Мисс Грейнджер, проявите уважение. Я понимаю, что вы расстроены, но эта вспышка заслуживает извинений перед директором". Однако глава Гриффиндора должна была обнаружить, что имеет дело с совсем другой Гермионой Грейнджер.

"Не ждите помощи и от МакГонагалл. Мы обнаружили, что еще на первом курсе были практически предоставлены сами себе. Вы заметили, что с тех пор мы не обращались к вам за

помощью, профессор".

Может быть, она и добавила нотку сарказма к слову "профессор", но свой настоящий гнев Гермиона приберегла для директора школы. "На втором курсе вы позволили этому же человеку упрятать Хагрида в Азкабан, хотя знали, что Хагрид не виноват в нападениях. На третьем курсе тот же самый человек расставил дементоров вокруг проклятой школы! Вы собирались позволить Фаджу нанести дементорский поцелуй человеку, который, как вы знали, был невиновен. Это нам с Гарри пришлось спасти Сириуса в твоей собственной школе. Сегодня Седрик погиб, а Гарри утащили Мерлин знает куда - и это ваша вина. С самого Хэллоуина вы все знали, что этот турнир - ловушка для Гарри, но Хогвартс должен был играть по правилам..."

Гермиона пыталась закончить начатое, но слёзы снова наворачивались на глаза. "Самый могущественный волшебник в стране позволил этому маленькому дерьмовому министру утащить Гарри отсюда, потому что Альбус Дамблдор играет по каким-то правилам. Когда другая сторона не следует этим правилам, это приводит к тому, что произошло сегодня ночью. Вы снова нас подвели".

Вскочив на ноги, Гермиона, прежде чем глава дома успел прервать ее, словесно подрезала ноги у МакГонагалл. Приберегите свои задержания и снятия баллов, они меня больше не волнуют". После того, как его драгоценный Тёмный Лорд вернулся, его отец снова на стороне Волдеморта, а Гарри арестован Министерством, Малфой и его дружки теперь будут опасны. За последние четыре года мы на собственном опыте убедились, что ни вы, ни директор школы нас не защитите, поэтому в конце семестра я покину Хогвартс".

Выходя из лазарета, Гермиона старалась держать голову, но все видели, как беззвучные рыдания всё ещё сотрясали тело Гермионы.

Сириус только ожесточился, и Дамблдор обратился за поддержкой к Ремусу, но тут же получил неожиданное опровержение. "Я согласен со всем, что только что сказала Гермиона. Ты мог бы легко остановить Фаджа сегодня ночью, но решил этого не делать. Ты играешь в свои игры, Альбус, а люди продолжают умирать..."

"Вы думаете, это игра?" Дамблдор выказал своё разочарование, но мародёры не были впечатлены и уж точно не запуганы. Ему ответил Сириус.

"Мы знаем, что это не игра, это наши друзья и семья умирают. Пойдем, Ремус, пора выгуливать собаку". Но прежде чем они уйдут, он хотел сказать ещё кое-что. "Забери Гарри от Фаджа, Альбус, а потом мы поговорим. Я думаю, Гермиона правильно поняла, что нам всем следует уехать из Британии. Некоторые вещи просто не стоит пытаться спасти. Фадж уехал отсюда с единственным человеком в этом мире, на которого мне не наплевать, лучше верните его".

Сириус стал Пэдфутом, когда они вышли из замка. Поскольку Питер, как было подтверждено, вернулся к Волдеморту, новости о его анимагической форме скоро начнут распространяться среди неверных людей. Придётся остаться в Гриммаулд Плейс.

Проснувшись, Гарри обнаружил, что это не кошмарный сон, и он действительно находится в камере министерства. Осмотр не занял много времени: единственным предметом в его крошечном новом жилище было самосборное ведро.

Однако это было не совсем так: Гарри взглянул на то, что заставило его проснуться. Через люк в двери в комнату внесли поднос с завтраком и сегодняшним выпуском "Пророка". Мальчик-Который-Выжил арестован за Убийство" - такой заголовок красовался в верхней части издания, называвшего себя газетой. Гарри проигнорировал и газету, и поднос, оценивая своё положение.

Выросший в чулане под лестницей, где его чаще всего запирали, эта камера не вызвала у него никаких опасений. Кровать была самой обычной, но все же более удобной, чем та, на которой ему приходилось спать на Прайвет Драйв. Ему даже не нужно было просить, чтобы его выпустили в туалет, - в этой камере было свое собственное ведро. Лето после первого курса Гарри провёл взаперти в почти такой же маленькой комнате, с решёткой на окне и скудными порциями еды, передаваемыми через недавно установленную кошачью заслонку.

На этот раз он, по крайней мере, знал, что за Хедвиг присмотрят: Гермиона или Хагрид обязательно позаботятся о его знакомой. Кроме того, можно было не беспокоиться о том, что Дадли плюнет в еду или воду, хотя Гарри не исключил бы, что министерство подсунет туда что-нибудь ещё. Съешь свой завтрак, и к обеду ты уже провозгласишь Фаджа величайшим министром магии, которого когда-либо знала Британия. Гарри понимал, что, сделав именно это, он, вероятно, мог бы заставить все свои проблемы исчезнуть, но этого никогда не произойдёт. Он был слишком большим гриффиндорцем, чтобы дать Фаджу легкую победу.

Газета тоже была уловкой, к которой Гарри хорошо привык. На протяжении многих лет его тетя и дядя оставляли рекламные проспекты цирка, нового парка развлечений или брошюры о своем последнем отпуске там, где он не мог их не заметить. Потом они с удовольствием сообщали ему, что, конечно же, они берут с собой только Дадли, а такие уроды, как он, должны жить у миссис Фигг. Он уже давно понял, что игнорирование этих приспособлений для душевных пыток лишает Вернона и Петунию удовольствия утирать ему нос тем, что он лишен всего, что они придумали для своего избалованного сына. В жизни с Дурслями подобные маленькие победы - это все, что оставалось Гарри.

Фадж даже не представлял, с кем он имеет дело. Попади такой изнеженный принц, как Драко Малфой, в такую ситуацию, и он бы сломался от одиночества и отсутствия жизненных благ. Гарри оставалось только считать свои благословения - никаких Дурслей, никакой работы по дому, Хедвиг в безопасности, и, судя по всему, они не собираются морить его голодом.

Осматривая новые шрамы на руке и ноге, Гарри понял, что ему придётся переждать это время. Он не мог ни приватно, ни публично целовать задницу Фаджу, а значит, единственным выходом из этой камеры будет давление извне, которое заставит дверь открыться. Проблема, которую он видел в этом сценарии, заключалась в том, что "Пророк" весь год фактически уничтожал его личность, начиная со Скитер, затащившей его в буфет для своих эксклюзивных материалов. Её сфабрикованные и отравленные последующие статьи привели к тому, что большая часть магического сообщества уже считала его ненормальным, ищущим внимания психом. С "Пророком" в кармане Фаджа дверь камеры в ближайшее время не откроют.

Гарри проигнорировал предложенный поднос, предпочтя вместо этого лежать и думать, что он будет делать со своей жизнью, когда и если выйдет отсюда. Он ясно помнил, как Гермиона душила его собачьего отца, а Ремусу в конце концов тоже пришлось помогать. Рон стоял в полном оцепенении, но Гарри не мог винить в этом своего друга. Миссис Уизли, профессора МакГонагалл и Дамблдор возражали от его имени, а Фадж просто рвался вперед и делал то, что хотел. Теперь Гарри присоединился к Сириусу и Хагриду в рядах тех, кого бросили в тюрьму только потому, что этого хотели политически влиятельные люди.

Это была не та страна, в которой Гарри хотел бы прожить свою жизнь и, возможно, даже вырастить семью. Здесь нужно было принимать решения, и только он здесь их принимал. Из этой камеры должен был выйти совсем другой Гарри Поттер. Он и не подозревал, насколько верной была эта мысль.

<http://tl.rulate.ru/book/96271/3290641>